К проблеме развития государственных образований этнических дагестанцев Закавказья в периоды Средневековья и Нового Времени

Т. М. Айтберов¹, М. Н. Абдуллаев²

^{1,2} Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация,

¹ timirlan222@mail.ru

² mnabdullaev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития государственных образований этнических дагестанцев как части коренного населения Закавказья. В научной среде их делят на: а) лезгин и близкородственных им малочисленных этносов (в пределах Азербайджана это хиналугцы, шахдагцы — крызы и будухи, удины, цахуры и рутульцы) и б) аварцев. В данной статье впервые обоснованно фиксируется третий относительно крупный этносоциум региона — закавказские даргинцы (кайтагцы). Отмечается, что дагестаноязычное население Закавказья владело плодородными землями, составляло своеобразный воинский класс, и было широко представлено в военно-политической верхушке общества. Оно было государственно организовано, имело свои источники права.

Корни государственного и правового развития этнических дагестанцев Закавказья ученые выводят обычно из Кавказской Албании. В статье подчеркивается, что указанное положение в большей степени можно отнести лишь к части носителей дагестанских языков региона. Что же касается левобережья Алазани вместе с некоторыми прилегающими землями, известного кавказоведам как Закатальский округ, то наиболее глубокие корни его развития по указанным направлениям — государство и право — связываются в данной статье с Лпинией — сильным государством Закавказья эпохи Сасанидов.

Авторы приходят к выводу, что к концу монгольской эпохи этнические дагестанцы Закавказья, несмотря на столетия нахождения под властью грузинских феодалов и ассимиляционные процессы, сумели в основном сохранить этно-территориальную идентичность, единство и преемственность в развитии институтов государственности и права. Этому способствовали географический и религиозный факторы, а также сохраняющиеся органичные связи с историческим Дагестаном. Особое внимание в данной статье уделяется политическим центрам возрождения и развития государственности этнических дагестанцев на западных склонах Главного Кавказского хребта в периоды средневековья и нового времени.

Ключевые слова: государственность, государственное образование, этнические дагестанцы Закавказья, этно-территориальная идентичность, институты государственности и права

Для цитирования: Айтберов Т. М., Абдуллаев М. Н. К проблеме развития государственных образований этнических дагестанцев Закавказья в периоды Средневековья и Нового Времени // Юридический вестник ДГУ. 2021. Т. 39, № 3. С. 14–22. DOI: 10.21779/2224-0241-2021-39-3-14-22

To the development of state formations of ethnic dagestanians of Transcaucasia in the periods of Middle Ages and New Time

Timur M. Aitberov¹, Magomedzapir N. Abdullaev²

^{1,2} Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation,

¹ timirlan222@mail.ru

² mnabdullaev@mail.ru

Abstract. The article deals with the development of state formations of ethnic Dagestanis as part of the indigenous population of Transcaucasia. Among scientists, it is generally believed that they are divided: a) for Lezgins and small ethnic groups closely related to them (within Azerbaijan, these are Khinalug, Shahdag-Kryz and Budukhs, Udins, Tsakhurs and Rutuls); b) for Avars. In this article, for the first time, the third relatively large ethnic community of the region is reasonably recorded — the Transcaucasian Dargins (Kaitagans). It is noted that the Dagestani-speaking population of Transcaucasia owned fertile lands, formed a kind of military class and was widely represented in the military-political elite of society. It was state-organized, had its own sources of law.

Scientists usually derive the roots of the state and legal development of ethnic dagestanis of Transcaucasia from Caucasian Albania. In this article, the idea is carried out that this provision can be attributed only to a part of the native speakers of the Dagestan languages of the region. As for the Dagestani-speaking population of the left bank of the Alazani, known to Kavkaz scholars as the Zakatala district, along with some adjacent lands, the authors derive the deepest roots of its development in these areas — the state and law — from Lpinia, a strong state of the Transcaucasia of the Sassanid era.

The authors conclude that by the end of the Mongolian era, the ethnic Dagestanis of Transcaucasia — despite centuries of being under the rule of Georgian feudal lords and assimilation processes taking place in the region — managed to preserve their ethno-territorial identity, unity and continuity in the development of the institutions of statehood and law. This was facilitated by geographical and religious factors, as well as the continuing organic ties with historical Dagestan. Special attention is paid to the political centers of the revival and development of the statehood of ethnic Dagestanis on the western slopes of the Main Caucasian Ridge during the Middle Ages and modern times.

Keywords: statehood, state formation, ethnic dagestanians of Transcaucasia, ethno-territorial identity, institutions of state and law

For citation: Aitberov T. M., Abdullaev M. N. To the development of state formations of ethnic dagestanians of Transcaucasia in the periods of Middle Ages and New Time. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2021, vol. 39, no 3, pp. 14–22. DOI: 10.21779/2224-0241-2021-39-3-14-22 (In Russ.).

Знание своей истории – это не только вопрос образованности и культуры, но и необходимый фундамент для создания общего гармоничного будущего людей и этносов, веками живущих в одной стране либо в соседних государствах. В этой связи очевидный интерес вызывают вопросы истории права и государства той части этнических дагестанцев, которые, несомненно, являются автохтонами Закавказья относительно других «племен» и народностей Черноморско-Каспийского моря. Данный факт подтверждают общемировые достижения в области археологии, истории, антропологии, этнографии и языкознания. В наши дни в пределах современного Азербайджана и Грузии этнические дагестанцы проживают компактно в селах, состоящих из сотен и даже тысяч домов.

Этнические дагестанцы Закавказья являются носителями языков, объединяемых в группу, которую называют «нахско-дагестанской». В последние годы, однако, отдельные авторитетные кавказоведы предлагают обособить «нахские языки» [1, с. 17, 59, 74, 75, 86, 89, 97, 107] и, соответственно, рассматривать «дагестанские» языки как особую единицу.

Как известно, в границах кавказских территорий России второй половины XIX – начала XX вв. существовал «Закатальский округ» (далее – ЗО) площадью в 4034 км². Он не входил ни в одну из губерний Южного Кавказа, на базе которых в 1918 г. сложились независимые государства, существующие до сих пор. На рубеже XIX–XX вв. ЗО был включен в Тифлисскую губернию, но вскоре (1903) выведен из ее состава царскими властями. Обрисованное обстоятельство, порожденное административно-территориальной политикой Российской империи, имело место из-за религиозной и этноязыковой специфики ЗО. Дело в том, что на 1897 г., то есть ко времени завершения первой общероссийской переписи, более 77 % населения ЗО придерживалось шафиитского толка в суннитском исламе, в то время как на других закавказских территориях ситуация была иной. Там мусульманское население придерживалось либо шиизма, либо ханифитского толка в суннизме.

Особо следует подчеркнуть, что этнических дагестанцев было тогда в округе около 47 % от всей массы проживающих, при 34 % тюркоязыч-

ных, то есть азербайджанцев, и 15 % грузин. Численное преобладание в округе этнических дагестанцев, думается, сыграло свою роль в том, что система выборов в имперскую Государственную думу, установленная Петербургом, привязала ЗО не к Баку или Тбилиси, а к Дагестану. Так, например, М.М. Далгат, урахинский даргинец, считался депутатом ГД от «Дагестанской области и Закатальского округа».

Та часть Закавказья, которая стала предметом рассмотрения в настоящей статье, представляет собой регион, испокон веков имевший в составе народонаселения значительное количество этнических дагестанцев. Специфика этой части кавказцев состоит в том, что они обладали традициями государственного и правового развития [2, с. 33–41, 73–78]. И это не результат логических умозаключений ученых, а факт, подтвержденный историческими источниками.

Другой небезынтересный момент: Закатальский округ (современные Белоканский, Закатальский и Кахский районы АЗР) добровольно – решением Национального совета, но, несомненно, с «подсказки» турецкого командования, которое имело свои интересы на Южном Кавказе и готовилось к захвату г. Баку, – вошел в состав «демократического» Азербайджана (АДР), что случилось летом 1918 г. [3]. Последний факт, а именно добровольное вхождение ЗО в состав Азербайджана, наверное, интересен для азербайджанских исследователей. Дело в том, что к 1918 г. командование армии Великобритании, которая воевала против Турции, пришло к мысли о передаче Кубинского уезда (современные Кусарский, Хачмазский, Кубинский и Девичинский районы Азербайджана) российскому Дагестану, а в отношении ЗО было решено превратить его в самостоятельную политическую единицу Кавказа. В 1919 году к осуществлению данного плана относительно Кубинского уезда и ЗО подключился ген. А.И. Деникин, большой патриот державы, как и все командование Вооруженных сил Юга России [4, с. 11, 86, 178]. Именно эта южнокавказская территория, почти в два раза превосходящая по площади Люксембург (≈2600км²), и является объектом изучения данной статьи.

В настоящее время в пределах исторической провинции, которую даже в советскую эпоху называли Закатальский округ, проживают три группы этнических дагестанцев: аварцы, цахуры и рутульцы [5, с. 107]. Однако во второй половине XIX в. картина дагестанского этнического представительства в пределах ЗО была иной по сравнению с тем, что сейчас. Вызывает недоумение, почему годами игнорировался факт присутствия там даргинского этнического компонента, причем достаточно многочисленного?

Об указанном обстоятельстве современное кавказоведение узнает из различных материалов. К примеру, из отчета российских чиновников конца 60-х годов XIX в., приехавших в ЗО для проведения там разысканий, необходимых верхам. В ходе бесед с видными личностями округа, принадлежавшими к числу этнических дагестанцев, эти чиновники узнали, что в огромном исторически «лезгинском» селе Мухах (на сегодня более 7300 душ), где говорят сейчас по-азербайджански, проживают к юго-востоку от г. Закатала носители «кайтагского наречия» [6, с. 490]. Согласно другим письменным источникам XIX в. в Мухахе имелся тогда и аварский землевладельческий тухум *Джурмут / Чурмут I*, а также влиятельный то ли «очаг», то ли «табун» под названием *Льебел*. Помимо этого, русские чиновники в XIX в. зафиксировали в названном селе даргинское «наречие». Российские чиновники, опираясь на слова аварцев, отметили, что даргиноязычная часть этнических дагестанцев ЗО, которые тогда (в 1869) были обильно представлены не только в Мухахе, но и в «Елисуйских селениях» (на территории современного Кахского района АЗР), начали «в последнее время» отходить от родной речи. Даргинцы Закавказья «почти все стали» «объясняться», особенно на территории бывшего Елисуйского султанства, «на общетюркском» для Кавказа XIX в. «азербиджанском» языке [6, с. 490].

Как представляется, в 80-е – середине 90-х годов XIX в. российское чиновничество, которое базировалось в Тифлисе, рассматривало этноязыковую ситуацию в ЗО на основе полученных выше сведений. В результате оно перестало отмечать носителей «кайтагского наречия» в числе этнических групп ЗО. Такая позиция отражена, например, на картах влиятельных россиян – Н.К. Зейдлица и Е. Кондратенко, на карте Г. Шухардта – известного в Европе языковеда, «помогавшего», как представляется, австро-венгерскому Генштабу, и т.д. Однако российская официальная перепись от 1897 г. все же указала в ЗО даргинцев, причём в количестве 7,4 тыс. душ, что составляло тогда примерно 8 % от общей массы закатальского окружного населения [7].

Основания говорить, что этнические дагестанцы проживали в XIX в., как и раньше, на территории ЗО, существуют. Представлены они были там по преимуществу народом, который русские чины называли «лезгинами»: историк, которому доверено было проводить официальную линию

в кавказоведении, написал в 1871 г., что на Восточном Кавказе расселены люди «аварского племени, преимущественно известного у нас», то есть у русских, «под именем лезгин» [8, с. 497]. В данной статье речь идет об этнических даргинцах, которых в Закавказье обозначали этнонимом «кайтаг».

Даргинский, точнее «кайтагский», этнический фактор в восточном Закавказье не следует считать чем-то фантастическим. Турецкий автор XVII в. Эвлия Челеби писал, например, говоря о «крепости Шеки», стоявшей рядом с «Елисуйскими селениями» ЗО, что в той «местности» проживает «племя» *кайтагов* в 20 тыс. чел., представители которого «приходят в закавказские «города», делая это, в первую очередь, ради «торговли». Про представителей названного даргиноязычного «племени» Эвлия Челеби пишет, что поселения этих «рослых и крепких людей» стоят в закавказских (?) «горах» [9, с. 155].

Следует упомянуть и о другой точке зрения на вопрос об этнических дагестанцах Закавказья, который преобладал среди руководящих структур Кавказского края Российской империи. Позиция последних обнаружена Е. Кондратенко, который в 1897 г. опубликовал принятое в крае мнение о делении «населения» ЗО на «коренное» и пришлое. Обозначив внутри первой категории ЗО «лезгин, говорящих на аварском языке», Е. Кондратенко затем выделил жителей «некоторых нагорных селений», поставив их вне рамок «коренного населения» округа. Он говорит о жителях Закатальского «округа, переселившихся» туда «из Цахурского магала (Дагестанская обл.)», которые «говорят» между собой «на калтахском (цахурском наречии)» [10, с. 40]. На основании данного высказывания можно утверждать, что «племенная» представленность этнических дагестанцев Закавказья в XIX в. не была идентична той ситуации, которая имела место в начале XX–XXI вв.

В самом начале эпохи Сасанидов в восточной части Закавказья существовали государственные образования («царства»), тесно связанные с Ираном. Это, к примеру, *Албания* с центром в г. Кабала, что соответствует Южному Лезгистану, а также *Лпиния / Лепон*, которая авторитетными кавказоведами локализована в левобережной части Алазанской долины. Таким образом, на исторической территории Закатальский округ располагалась Лпиния.

В IV–V вв., если не раньше (в конце Парфянской эпохи), в Лпинии были свои «цари», свое «войско», своя «политика», расходящаяся по отдельным серьезным позициям с политической линией «Албании», свой официальный язык, чье существование признавала столица Ирана, свои государственные институты и традиции. В силу указанных факторов современные специалисты признают Лпинию одним из сильных раннесредневековых государств Закавказья. В том же V в. н.э. в рамках общеимперской политики централизации шахиншахи объединили Лпинию, то есть территорию ЗО,

с Албанией, как и с другими иранскими автономиями Закавказья (например, Баласагун, Маскут, который условно соответствовал восточной части Южного Лезгистана и т.д.), и создали *марзпанство*, то есть губернию, названную средневековыми иранцами *Ардан / Арран*, а армянами «Алуанк» [11, с. 54, 84, 85, 91, 116, 118, 120; 12, с. 7–41].

В VIII в. Закавказье оказалось в подчинении у мусульманского государства Халифат. Позднее, в условиях децентрализации Халифата, а затем и распада его, в пределах ЗО возрождается автономия местного населения, переросшая затем в независимое от соседей государство. Власть в этой общественно-политической единице, считавшейся «царством» и существовавшей к северо-западу от зоны расселения собственно лезгин, находилась в руках у христиан. В качестве отдельного государства на территории ЗО вместе с провинцией Шеки – территорией, которую отметил Эвля Челеби (XVII в.), проживало 20 тыс. «кайтагов», то есть даргинцев. Это государство просуществовало около трех столетий. В начале Сельджукской эпохи правители (в греческих документах – *архонт*) этого «царства» перешли в ислам, но вскоре ради усиления Византийской империи это «царство» мусульман было аннексировано Грузией. Это произошло в условиях резкого ослабления тюркоязычных сельджуков, которые были мусульманами. В монгольскую и послемонгольскую эпохи (XIII–XV вв.) грузинские цари сумели сохранить политическую и административную власть на изучаемой территории, значительной долей в населении которой были и есть этнические дагестанцы. Имеется в виду то, что стало известно позднее (вторая половина XIX – начало XX вв.) как Закатальский округ.

В XVI в. имела место длительная кровопролитная борьба за Закавказье между шиитской Иранской империей, которой управляла династия Сефевидов, и суннитской Турцией, находившейся в руках династии Османов. Территория ЗО являлась тогда частью относительно сильного и богатого грузинского «царства», именуемого «Кахетия» (авар. *Кахет*). В его границах, а именно в некоторых труднодоступных местностях, прилегающих к Главному Кавказскому хребту (далее – ГКХ), этнические дагестанцы, исповедовавшие суннитский ислам, эволюционировали в русле преемственности исторически сложившихся правовых и государственных институтов.

В XVII в. военно-политическое усиление этнических дагестанцев Закавказья стало явным, особенно в Курмукском ущелье, а также на огромной скале, которая находится над современным г. Закатала (АзР), в Джарском ущелье, покрытом густым лесом. Это на десятилетия утвердило власть Ирана над восточным Закавказьем. К рубежу XVII–XVIII вв. ситуация впрочем изменилась. Резко ослабел Иран, который был в течение ряда десятилетий гарантом процветания Кахетии, с ее грузинским по языку «феодалным» классом, а также гарантом существования Ширванской гу-

бернии (*беглярбекство*) – территории, соответствовавшей примерно половине современной АзР и части Южного Дагестана.

После исчезновения Лпинии (V в. н.э.) и Второго Албанского «царства» (XII в.)* [13, с. 15–30], которое в некоторых источниках фигурирует как «царство Шекинское», у этнических дагестанцев Закавказья, входящих в государство грузин, сложились свои политические центры. Важную идеологическую и политическую роль здесь, как и на всей территории исторического Дагестана, играла мусульманская религия в ее суннитско-шафиитской форме.

В качестве первого политического центра государственного развития этнических дагестанцев Закавказья следует назвать Второе Албанское «царство» – древнее аварское селение Чардах (авар. *Чардахъ*; азерб. *Чардахлу*). Оно расположено на западном склоне ГКХ в местности, военно-стратегическое значение которой было оценено еще в раннем Средневековье, примерно в VI в. н.э. На «Лекетской дороге» (грузинский термин VIII в.) в эпоху полного развала административно-политических структур, идущих от Монгольской империи, утвердился дагестанец Алибек [14, с. 176; 15]. Этот горский князь, являвшийся сыном «Уцуми», поселившись в Закавказье то ли в XV в., то ли в начале XVI в., опирался на дагестаноязычное население Мухахского ущелья (*Динди*). Оно начиналось от земель цахурского села Калял, стоявшего в долине Самура, и заканчивалось в Алазанской долине. Указанные места не являлись родиной Алибека «Уцумиева». Перебрался он туда из дагестанского села Хиц [14, с. 176; 16, с. 300], местоположение которого пока не установлено. Из доступных в наши дни источников известно, что Алибек происходил из даргиноязычного Кайтага, который переживал тогда военно-политический подъем, хорошо известный кавказоведению** [17, с. 183]. Русские специалисты по генеалогии (XIX в.) считали, что потомки князя Алибека «Уцумиева» так называемые «Елисуйские султаны», одним из которых был *мудир* шариатской армии *Даниял-бек*, являлись ветвью князей Чолокашвили. При этом, однако, происходили эти «султаны», правившие в Курмукском ущелье, как и на прилегающих закавказских землях, из «Дагестана», а, точнее, из «Гимри» [18]. Этот топоним, в свою очередь, вполне соответствует даргинско-кумыкскому «Хамри» (*Хивамри / Гьамри*), то есть участку в составе Кайтага. Вместе с тем нельзя исключать и того, что названный выше Алибек мог быть сыном

* Правомочность употребления указанного выше термина, происходящего из исторической географии Закавказья, как и увязка его с Лпинией, не вызвала какого-либо противодействия в среде ведущих историков Армении.

** В XIV–XV вв. члены рода уцмиев Кайтага «управляли крепостями», стоявшими в горах Южного Дагестана.

князя Уцуми, похороненного в Кумухе, от которого происходили шамхалы XVIII–XIX вв.

Вторым политическим центром, сыгравшим особую роль в развитии «территориальной» государственности этнических дагестанцев Закавказья, стало Курмукское ущелье, относительно обширное по площади и не ограниченное одним геоморфологическим микрорегионом. Это природное образование, все население которого говорит сегодня только на азербайджанском языке, находилось вблизи земель цахурского селения Гельмец, находящегося в пределах дагестанского Присамурья. Думается, что именно цахурами (*йихъ+би*) по «племенной» принадлежности были эмиры, то есть князья, сидевшие в Елису (*Илуси*), которые упоминаются под 1494/1495 г. [19, с. 387]. Именно такая оценка ситуации в большей степени соответствует географическому фактору, как и последующему ходу жизни на обрисованных нами территориях, а именно необходимости учета мнения «цахурцев» в тот момент, когда «ставили» очередного «эмира в Елису» [16, с. 305, 309].

Когда иранцы при шахе Тахмаспе I (1524–1576) укрепились в Закавказье, произошло усиление политической значимости государственного образования этнических дагестанцев Закавказья, которое опиралось на Курмукское ущелье и его население. Сефевидский двор Ирана, действуя тут официально, вывел фирманом, шахским указом, Курмукское ущелье из состава Кахетии. Согласно указу от 1563 г. наследственному правителю этой части Грузии, а именно Левану Багратиони, как и всей кахетинской аристократии, было «запрещено» вступать в Курмукское ущелье и на прилегающие земли. Указанная часть восточного Закавказья, где в конце XIX в. большинство населения фиксировало себя этническими дагестанцами, составляло теперь, правда, по воле Иранской империи, государственное единство с верхней частью Самурской долины. Поэтому князья (*цуму*) [20, с. 213], которые столетиями управляли жизнью народонаселения на названной здесь части Кавказа, находящейся по обе стороны ГКХ, именовались в иранских документах XVI–XVII вв. эпитетом «Цахурский» (*Захури*) [21, с. 1085; 22, с. 93]. Причина этого заключалась в нахождении в то время княжеской ставки в труднодоступном сел. Цахур, где народ говорит на особом языке, входящем в лезгинскую подгруппу и где хоронили тогда некоторых правителей [23, с. 68] «владения» Цахурского.

Типологической параллелью является здесь ситуация, существовавшая в XVIII–XIX вв. на агульских и лезгинских землях, лежащих в бассейнах Чирахчая и Гюльгерычая, известных как «Кюринское ханство». Правители данного ханства, как и значительная часть их окружения, происходили из Лакии. Мало того, они сохраняли в своей среде лакский язык, хотя и жили десятилетиями в лезгиноязычных селах Кюры и хоронили близких

родственников в лезгинских селах названной провинции [23, с. 65, 66, 70].

Ситуация с пребыванием ставки правящего князя в верховьях р. Самур, то есть в горах Южного Дагестана, была явлением относительно долговременным. В данной связи нельзя не отметить, что по преданиям, которые зафиксировали русские (1830), уход князей Елисуйских из Дагестана в восточное Закавказье происходил примерно на рубеже XVII–XVIII вв. [24, с. 57], но в реальной жизни – ранее.

В Сефевидскую эпоху истории Кавказа данное государственное образование выступало в качестве административной единицы, связанной большей частью времени с высокоразвитым тогда Ираном. Соответственно, дагестаноязычные князья, находившиеся в крепости Цахур, где народ говорил по-цахурски, получали от восточных императоров, помимо натуральных доходов, поступавших им от «пожалованных» империей закавказских «деревень», населенных тюрками и грузинами [25, с. 1085; 22, с. 95, 100], также и многочисленные предписания военного характера [25, с. 1086; 22, с. 94, 96, 120] и солидное денежное содержание [25, с. 1087; 22, с. 95].

Во второй половине XVI–XVII вв. Курмукское ущелье восточного Закавказья, выделенное Ираном из состава грузинской Кахетии в начале второй половины XVI в., было как бы центром государственности дагестаноязычных мусульман. Однако Сефевиды не оставили это образование в статусе суверенного, а включили в состав беглярбекства, то есть губернии, под названием «Ширван», но в качестве автономии, которая получила статус «султанства». Данный факт отражен в шахском указе (*фирман*) от 1642 г. [25, с. 1085, 1086; 22, с. 93–96, 100]. В документе говорится, что «ширванские должностные лица» обязаны «производить» солидные денежные выплаты (155 *туманов*) «владельцу Цахурскому» [25, с. 1087]. Отметим также, что в иранских арабографических документах XVII – начала XVIII в., типа *Табеля о рангах*, зафиксировано, что «Курмукское ущелье, вместе с прилегающими землями, являет собой улка («страна» – термин, кстати, монгольский. – Т.А., М.А.) в составе Ширванской губернии». Здесь же напомним, что иранцы называли «султанствами» не огромные империи, а небольшие районы, числившиеся в составе той или иной имперской провинции, но выставившие на поле боя подготовленных солдат в количестве 2–3 сотен. В данном контексте нельзя не упомянуть о том, что этнические дагестанцы знали о существовании термина «султан» в качестве наименования князей, которые сидели в Курмукском ущелье, но саму территорию, подвластную последним, обозначали словом «область» (*вилаят*).

В этом «владении» (вар. «провинции»), которое в Иране называли «Цахурским» (*Захури*), фиксируется проживание дагестаноязычных князей (*цума*) в закавказском населенном пункте, извест-

ном как «Елису» (лезг. *Улусу*, авар. *Илуси*). Это имело место уже в середине XVII в. [26, с. 82]. Однако реальное превращение данного поселения в столицу признанного султанства, входящего в губернию над названием «Ширван», произошло позднее. Елису, упоминаемое в качестве обители «эмиров», то есть центра власти, под 900/1494–95 г., что соответствует эпохе тимуридского сюзеренитета над Восточным Кавказом, превратилось, в конце концов, в столицу султанов. Здесь же стоит обратиться к этническому фактору, ибо вокруг него ходят мифы.

В наши дни елисуйцы говорят на азербайджанском языке, «не зная» уже к 1887 г. «ни одного слова по-калтахски» [27, с. 62], то есть по-цахурски (*йхъи*). Тюркоязычность названной группы кавказцев была признана со второй половины XVIII в. Таковую информацию дал «Кавказскому статистическому комитету» в конце XIX в. российский полковник, который служил тогда в должности «начальника Закатальского округа» [27, с. 62].

Сильные «мира сего», базировавшиеся в центре Кавказского края, не восприняли сведения о языке столицы султанства, шедшие к ним от российского офицера, как проигнорировали и более раннюю информацию, поступившую от ген. Цицианова П.Д. (уб. в 1806). Дело в том, что, будучи военно-административным деятелем и в силу этого носителем ценной информации, он привлекал елисуйцев к числу закавказских тюрков (*татар*) [25, с. 687; 28, с. 265].

Жители сел. Елису вопреки характеристикам генералов и полковников фиксировались русскими кавказоведами XIX – начала XX в. иначе. Они относились жителей столицы закавказского государственного образования, числившегося в иранской, имперской по статусу документации в качестве *султанства*, состоящего в составе Ширванской губернии, к числу этнических дагестанцев* [29]. Между прочим, дагестанский этнический компонент любят афишировать потомки коренных елисуйцев, происходящих из числа местной потомственной аристократии, которые живут на территории АЗР. Они поступают так, акцентируя особое внимание на аварском и лакском факторах [30, 31].

Третий административно-политический центр Закавказья – единица, сыгравшая роль в государственном развитии этнических дагестанцев Закавказья, – селение Катех, исторически расположенное в Белоканском ущелье. По нему проходила древняя дорога, которая связывала Приалазанье с Прикаспием. Древний населенный пункт Катех, входящий ныне в Белоканский район АЗР, – это крупное село (на 2007 г. – 6600 чел., из которых 87% – этнические дагестанцы). В начале XIX в. в сел. Катех было 300 дворов, среди которых не отмечены ни грузинские, ни тюркские. «Катех» как единица, связанная политически со Вторым Албан-

ским «царством», а религиозно – с грузинской Кахетией, зафиксирован (что важно – под данным наименованием) в грамоте католика в начале XI в. Этот населенный пункт (авар. – КИтИх), связанный тропой с дагестанским сел. Кутих (в Чародинском районе РД), выделяется, прежде всего, тем, что выше он был чрезвычайно труднодоступен для чужеземцев.

Населенный пункт под названием «Белоканы», служивший ядром сильной общины, где в начале XIX в. жили (в 800 домах) исключительно этнические дагестанцы, упоминается в одном из грузинских источников при описании текста событий второй половины XIII в. Как часть «царства» Багратионов, являвшегося тогда лишь автономной единицей в составе Монгольской империи, Белоканы упоминаются и позднее – в 1310 г. После распада названной империи, а затем исчезновения в Закавказье власти продолжателей монгольских государственных традиций – Тимуридов, как и туркоманских держав, упоминание о населенном пункте «Белоканы» встречается еще раз. Появляется он в качестве пункта, находящегося в составе грузинского – по языку элиты, – христианского государства. Так, например, иранский вассал Леван Багратиони – тот, у кого Сефевиды отняли Курмухское ущелье, передавая его потомку князя (*цума*) Алибека «Уцумиева», получал определенный доход с дагестаноязычных, как и иных (?) жителей Белоканы. Доход этот позднее перешел в руки жены «царя» Левана. Отметим здесь также тот факт, что в Белоканском ущелье стояли тогда грузинская крепость и «дворец» грузинских «царей».

При таком грузинском этно-административно-политическом присутствии (в XIII–XVII вв.) авторитетные грузинские, что немаловажно, источники дают ясное указание на проживание в белоканской зоне и этнических дагестанцев (в тексте – «племя леков»). Здесь, кстати, отметим, что Белоканы выделяются тем, что именно там, если брать территорию ЗО, в силу отсутствия этноязыковой монолитности, а также, наверное, географической легкодоступности, наиболее долго сохранялся политический контроль грузинского государства. Дело в том, что правитель Кахетии, с XVI–XVII вв. являвшейся автономией в составе Иранской империи, после нескольких военных неудач, испытанных грузинами от меча дагестаноязычных «голодинцев», сделал непростой для грузина шаг. Член династии Багратионов в 1715 г. обязался платить последним ежегодную дань. Примерно через два (?) года, в 1129/1716–17 г. Кахетинское «царство» потеряло населенный пункт «Белоканы», причем навсегда.

Здесь мы видим принципиальное, как представляется, отличие форм государственного развития, существовавшего к рубежу XVII–XVIII в. между второй точкой (Курмухское ущелье), с одной стороны, третьей точкой (Белоканское ущелье, как и Катехское) – с другой. Если во второй точке, находящейся в Закавказье, в пределах

* Жители сел. Елису (2840 чел.) являются «лезгинами», а не грузинами и азербайджанцами.

XVI–XVII вв. сложилась территориальная государственность, которую возглавляли князья (цума), происходившие из клана Кайтаг (?), то население третьей географической точки жило более простой жизнью, как и даргино-аваро-цахурское население Мухахского ущелья, составлявшее этническую базу для первой точки, то есть для общественно-политического образования с центром в аварском сел. Чардах (Чардахлу).

Четвертый политико-территориальный центр сыграл значимую роль в истории государственного развития этнических дагестанцев Закавказья, превратившегося в XVIII в. в один из влиятельнейших факторов жизни региона. Он соответствует Джарскому (Чар) ущелью и венчавшему его большому скалистому массиву (авар, гъвел, откуда происходят топоним Гъолода «На скале» и этноним «голодинцы» – авар. – *гъолодиссел*), который является ответвлением ГКХ. В силу специфики ландшафта места, составлявшего четвертый центр, а именно его труднодоступности, этнические дагестанцы восточного Закавказья во многом сумели сохранить свою этнотерриториальную и религиозную идентичность, а также преемственность правовых и политических традиций. Это происходило после аннексии православной Грузией Второго Албанского «царства», просуществовавшего около 300 лет (IX–XII вв.), причем вне пределов Южного Лезгистана. О сохранении этнических дагестанцев как преемственно эволюционирующего, государственно организованного социума в четвертой точке (Джарское ущелье и Голода), что имело место в эпоху грузинского «великодержавия» на Кавказе, говорят реальные факты. Во-первых, участие закавказских «лезгин», как и их соседей, в восстании князя Григолисдзе (конце XII в.), направленном против царя Грузии, причем в качестве реальной военной силы [32, с. 20, 29], близкой по статусу к «азнаурам», то есть к грузинским дворянам. Во-вторых, в названном здесь ущелье, точнее в верхней части сел. Джар, сохранилась надпись XIII в., вырезанная на каменной плите куфическим шрифтом (на арабском языке), где приведен перечень имен лиц, участвовавших в строительстве башни, и, что важно, имена эти не арабские, не тюркские, не грузинские и не персидские, а имена этнических дагестанцев XIII в. [33], которые исповедывали ислам, то есть государственную религию Второго Албанского «царства» рубежа XI–XII вв.

Следовательно, можно полагать, что в Джарском ущелье уже в XII в. сложилось маленькое по территории, как пишут некоторые ориенталисты, «номовое» государство этнических дагестанцев восточного Закавказья. Образовалось оно, как представляется, на основе политико-правовых традиций Второго Албанского «царства», имевшего столицей г. Шеки (АзР), которое, в свою очередь, сложилось на почве, подготовленной существованием в V в. (вероятно, что еще с Парфянской эпохи, то есть с начала нашей эры) Лпинского «царства», одного «из могучих христианских

государств Закавказья» середины V в. н.э. [11, с. 85, 118].

Наличие «номовой» государственности, числившейся, между прочим, в составе христианской Грузии, то есть общественно-политической организации этнических дагестанцев, которая располагалась в труднодоступной местности, чье население имело этноязыковую опору в виде Дагестана, а также приверженности исламу, является важным фактором. Эти факторы в совокупности помогли сохранить в Джарском ущелье этнических дагестанцев, в то время как в других частях ЗО они исчезли практически полностью из-за постепенной ассимиляции с грузинами. Данное обстоятельство не исключает, однако, того, что отдельные носители языков дагестанской группы или их небольшие группы могли переселяться в восточное Закавказье, в том числе в ЗО, под влиянием климата, так как в XI в., по мнению ученых, в горах Кавказа началось общее похолодание, которое затянулось на столетия.

Что касается местности «Голода» как части четвертой политико-территориального центра, локализовавшегося в средней части левобережья р. Алазань, важно отметить, что голодинцы сыграли главную роль в становлении относительно большого по территории (примерно 5 тыс. км², то есть большей чем ЗО, состоявших из плодородных земель и высокодоходных пастбищ – горных и равнинных) политического образования, которое было признано Османской империей в 1728 г. в статусе особой общественно-политической единицы Южного Кавказа. Османы начала XVIII в. посчитали ее абсолютно независимой, причем от Восточной Грузии Багратионов («царство» Картли (Тбилиси) и «царство» Кахетия (Телави), а позднее и от всех тюркских ханов (объединенное Картло-Кахетинское «царство»).

Подытоживая сказанное, следует отметить, что исторические судьбы дагестанских этносов (народов) Закавказья складывались непросто. Будучи автохтонами региона и носителями древних албано-дагестанских политико-правовых традиций, эти народы были вынуждены веками эволюционировать под довлеющим влиянием государств Закавказья и Передней Азии. В результате часть дагестаноязычного населения Закавказья оказалась ассимилированной и оторванной от исторического Дагестана. Их государственные образования в разные периоды лишились суверенитета и были включены в состав сильных государств региона, трансформировались традиционные институты власти и права. Сегодня дагестанские этносы Закавказья включены в состав демократических государств Азербайджана и Грузии.

В то же время можно обоснованно утверждать, что часть дагестанцев Закавказья сумели сохранить этноязыковую и религиозную идентичность, традиционные формы политико-правовой организации, социокультурные ценности. Они исторически выступали важным социальным факто-

ром политико-правовых процессов региона. Объективное воспроизведение исторического процесса государственного и правового развития дагестанских этносов Закавказья требует координации усилий ученых России, Azerbaijanda, Грузии

и Армении. Изучение богатой государственно-правовой культуры народов Кавказа, традиций их многовекового сосуществования должно быть нацелено на укрепление межгосударственных связей и мира в регионе.

Список источников

1. Ахмадов Я.З., Гумба Г.Д., Курумов Д.С., Хасмагоматов Э.Х. История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни: с древнейших времен до конца XV века. М., 2019. С. 17, 59, 74, 75, 86, 89, 97, 107.
2. Петрушевский И.П. Джаро-Белокапские вольные общества в первой трети XIX столетия. Махачкала, 1993 (Это же. Тифлис, 1934).
3. Протокол собрания Национального Совета Закатальского округа от 26 июня 1918 года // Хаят. Баку, 5.V. 1992. № 89 (343).
4. Доного Х.-М. Денинская «автономия» в Дагестане. Махачкала, 2018.
5. Дибиров А. МагIарухъ жумхIурият (Дагъистан Республика). Административияб рикъи. Махачкала, 2013. (Авар. яз.).
6. Думбадзе М. Архивные источники, описывающие ситуацию в Джаро-Белоканах // Издательство Архивного Управления МВД Грузинской ССР. Тбилиси, 1950.
7. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905.
8. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. Кн. 1.
9. Эвлия Челеби. Книга путешествия. М., 1983. Вып. 3.
10. Кондратенко Е. Краткие статистические сведения о Закатальском округе // ЗКОИРГО. Тифлис, 1897. Кн. XIX.
11. Акопян А.А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987.
12. Гаджиев М.С. Лпиния // Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала, 1988.
13. Айтберов Т.М. Армянский фактор в истории средневековой аварской государственности // Армения и восточнохристианская цивилизация. Ереван, 2016.
14. Ибрагимов Г.Х. Новые источники по истории цахуров // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980.
15. РФ ИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 215.
16. Айтберов Т.М., Ханизов Ш.М. Елису и Горный магал в XII–XIX веках. Махачкала, 2011.
17. История Дагестана. М., 1967.
18. Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1856. Т. III.
19. Шихсаидов А.Р. Очерки истории, источниковедения, географии средневекового Дагестана. Махачкала, 2008.
20. Абдуллаев И.Х. Междагестанские и межкавказские языковые контакты. Махачкала, 2015.
21. Документы на персидском и турецком языках // АКАК. Тифлис, 1868. Т. II.
22. Летишова Э.М. Северо-западный Азербайджан: Илизуйское султанство. Баку, 1999.
23. Айтберов Т.М. Эпиграфические памятники // Лезгистан. Махачкала, 1993. № 3–4.
24. Искрицкий. Краткое историческое сведение о султанах Елизуйских, 1830 г. // АКАК. Тифлис, 1978. Т. VII.
25. АКАК. Т. II.
26. Неймат М.С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Баку, 2001. Т. II.
27. Свод статистических данных о населении Закавказского края. Тифлис, 1893.
28. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. М., 1988.
29. В.М. Елису // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1890. Т. 86.
30. Манафов Ш. Илизу – село вундеркиндов // «Зеркало». Баку, 2009, 6. II.
31. Слияние вод, сплав народов // «Азербайджанские известия». Баку, 2009, 17. VII.
32. История и восхваление венценосцев / пер., предисл. и примеч. К.С. Кекелидзе. Тбилиси, 1954.
33. Ханизов Ш.М., Айтберов Т.М. Урузмаг: к вопросу об этнокультурных связях Сарира и Алании в средние века // Вестник дагестанского научного центра. Махачкала, 2018. № 71. С. 13–21.

References

1. Akhmadov Ya.Z., Gumba G.D., Kurumov D.S., Khasmagomadov E.Kh. Istoriya nakhov Perednei Azii, Kavkaza i Chechni: s drevneishikh vremen do kontsa XV veka. M., 2019. S. 17, 59, 74, 75, 86, 89, 97, 107.
2. Petrushevskii I.P. Dzharo-Belokanskii vol'nye obshchestva v pervoi treti XIX stoletiya. Makhachkala, 1993 (Eto zhe. Tiflis, 1934).
3. Protokol sobraniya Natsional'nogo Soveta Zakatal'skogo okruga ot 26 iyunya 1918 goda // Khayat. Ba-ku, 5.V. 1992. № 89 (343).
4. Donogo Kh.-M. Deninskaya «avtonomiya» v Dagestane. Makhachkala, 2018.
5. Dibirov A. MagIarukh" zhumkhIuriyat (Dag"istan Respublika). Administrativiyab rik'i. Makhachkala, 2013. (Avar. yaz.).
6. Dumbadze M. Arkhivnye istochniki, opisuyayushchie situatsiyu v Dzharo-Belokanakh // Izdatel'stvo Arkhivnogo Upravleniya MVD Gruzinskoi SSR. Tbilisi, 1950.

7. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g.* SPb., 1905.
8. *Dubrovin N.* Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze. SPb., 1871. T. 1. Kn. 1.
9. *Evliya Chelebi.* Kniga puteshestviya. M., 1983. Vyp. 3.
10. *Kondratenko E.* Kratkie statisticheskie svedeniya o Zakatal'skom okruge // ZKOIRGO. Tiflis, 1897. Kn. XIX.
11. *Akopyan A.A.* Albaniya-Aluank v greko-latinskikh i drevnearmyanskikh istochnikakh. Erevan, 1987.
12. *Gadzhiev M.S.* Lpiniya // Dagestan v epokhu Velikogo pereseleniya narodov. Makhachkala, 1988.
13. *Aitberov T.M.* Armyanskii faktor v istorii srednevekovoi avarskoi gosudarstvennosti // Armeniya i vostochnokhristianskaya tsivilizatsiya. Erevan, 2016.
14. *Ibragimov G.Kh.* Novye istochniki po istorii tsakhurov // Razvitie feodal'nykh otnoshenii v Dagestane. Makhachkala, 1980.
15. RF IAE. F. 1. Op. 1. D. 215.
16. *Aitberov T.M., Khapizov Sh.M.* Elis i Gornyi magal v XII–XIX vekakh. Makhachkala, 2011.
17. *Istoriya Dagestana.* M., 1967.
18. *Dolgorukov P.V.* Rossiiskaya rodoslovnaya kniga. SPb., 1856. T. III.
19. *Shikhsaidov A.R.* Ocherki istorii, istochnikovedeniya, geografii srednevekovogo Dagestana. Makhachkala, 2008.
20. *Abdullaev I.Kh.* Mezhdagestanskii i mezhkavkazskie yazykovye kontakty. Makhachkala, 2015.
21. Dokumenty na persidskom i turetskom yazykakh // AKAK. Tiflis, 1868. T. II.
22. *Letifova E.M.* Severo-zapadnyi Azerbaidzhan: Ilisuiskoe sultanstvo. Baku, 1999.
23. *Aitberov T.M.* Epigraficheskie pamyatniki // Lezgistan. Makhachkala, 1993. № 3–4.
24. *Iskriiskii.* Kratkoe istoricheskoe svedenie o sultanakh Elisuisikh, 1830 g. // AKAK. Tiflis, 1978. T. VII.
25. AKAK. T. II.
26. *Neimat M.S.* Korpus epigraficheskikh pamyatnikov Azerbaidzhana. Baku, 2001. T. II.
27. *Svod statisticheskikh dannyykh o naselenii Zakavkazskogo kraia.* Tiflis, 1893.
28. *Russko-dagestanskii otnosheniya v XVIII – nachale XIX v.* M., 1988.
29. V.M. Elis // Brokgauz F.A., Efron I.A. Entsiklopedicheskii slovar'. SPb., 1890. T. 86.
30. *Manafov Sh.* Ilisu – selo vunderkindov // «Zerkalo». Baku, 2009, 6. II.
31. *Sliyanie vod, splav narodov* // «Azerbaidzhanskii izvestiya». Baku, 2009, 17. VII.
32. *Istoriya i voskhvalenie ventsenostsev / per., predisl. i primech. K.S. Kekelidze.* Tbilisi, 1954.
33. *Khapizov Sh.M., Aitberov T.M.* K voprosu ob etnokul'turnykh svyazyakh Sarira i Alanii v srednie veka // Vestnik dagestanskogo nauchnogo tsentra. Makhachkala, 2018. № 71. S. 13–21.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Айтберов Тимур Магомедович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Дагестана, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail: timirlan222@mail.ru*

Абдуллаев Магомедзапир Нурмагомедович, доцент кафедры истории государства и права Дагестанского государственного университета, кандидат исторических наук, заместитель директора юридического института по учебной работе, заведующий научно-исследовательской лабораторией национальных и федеративных отношений им. проф. Р.М. Магомедова, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail: mnabdullaev@mail.ru*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aitberov Timur Magomedovich, Ph. D., associate Professor of the Department of history of Dagestan at Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail: timirlan222@mail.ru*

Abdullaev Magomedzapir Nurmagomedovich, Associate Professor of the Department of State History and Law of Dagestan State University, candidate of Law Sciences, Head of the Department of National and Federative Relations named after Prof. R.M. Magomedova, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail: mnabdullaev@mail.ru*

*Поступила в редакцию 6 августа 2021 г.
Received 6 August, 2021*